

И. А. БУНИН И ЕГО ЗАРУБЕЖНОЕ ОКРУЖЕНИЕ. К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ. К СТОЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ИСХОДА

Ренэ Герра

Парижский университет

Поступила в редакцию 15 августа 2020 г.

Аннотация: в статье рассматриваются этапы восприятия отечественными и французскими исследователями творчества И. А. Бунина. Автор вспоминает свое знакомство с людьми из ближнего окружения Бунина: Г. В. Адамовичем, А. В. Бахрахом, В. В. Вейдле, Б. К. Зайцевым, Л. Ф. Зуровым, Г. Н. Кузнецовой, И. В. Одоевцевой, Е. Л. Таубер, З. А. Шаховской. Анализируется современный литературный процесс, связанный с отношением к творческому наследию Бунина.

Ключевые слова: И. А. Бунин, буниноведение, А. К. Бабореко, русская эмиграция, Франция, нобелевский лауреат.

Abstract: the article examines the stages of perception by domestic and French researchers of I. A. Bunin. The author recalls his acquaintance with people from Bunin's inner circle: G. V. Adamovich, A. V. Bakhrakh, V. V. Weidle, B. K. Zaitsev, L. F. Zurov, G. N. Kuznetsova, I. V. Odoevtseva, E. L. Tauber, Z. A. Shakhovskaya. The modern literary process associated with the attitude to Bunin's creative heritage is analyzed.

Keywords: I. A. Bunin, buninology, A. K. Baboreko, Russian emigration, France, Nobel laureate.

Иван Алексеевич ушел из жизни в изгнании, в Париже 8 ноября 1953 года. Он умер в год смерти Сталина. Стоит напомнить, что год его рождения совпал с годом рождения В. И. Ленина. Такая вот ирония судьбы! Культ большевистского вождя заслонил собой юбилей великого русского писателя, сделал невозможным его празднование в 1970 году. Так продолжалось долгие годы. Ведь И. А. Бунин был идейным врагом В. И. Ленина, его антиподом. Кроме ценителей настоящей литературы и профессиональных филологов, писателя в СССР мало кто знал.

С тех пор прошло много времени. В России произошли значительные перемены. Было бы интересно в связи с этим проследить, как этапы жизни и творчества И. А. Бунина воспринимались советской и постсоветской критикой, как и в каком направлении переоценивались его труды. По работам буниноведов этот процесс прослеживается четко и однозначно — начиная со статей А. Т. Твардовского и заканчивая обычной тогда практикой «пробивания» в печать с помощью классиков советской литературы тех или иных произведений, «сомнительных» с точки зрения официоза. Известно, что именитые и вознесенные властью писатели, как например А. Т. Твардовский и К. М. Симонов, способствовали своими предисловиями, короткими «благословениями» в несколько строк, а также «внутренними рецензиями» выходу из печати многих запрещенных книг. Меня всегда коробила подобная практика. Но все-таки я признаю полезность и эффективность таких «демаршей»

со стороны «генералов» советской литературы. Ведь благодаря им в СССР сначала вышел однотомник, потом «огоньковский» пятитомник, затем девятитомник сочинений И. А. Бунина с предисловием Александра Твардовского и комментариями А. Бабореко и О. Михайлова и, наконец, последнее, самое полное издание — восьмитомник, составленный А. Бабореко, в «Московском рабочем».

Приехав в СССР в октябре 1968 года в качестве стажера-аспиранта МГУ, я по просьбе Б. К. Зайцева встретился с А. К. Бабореко и О. Н. Михайловым.

Александр Кузьмич Бабореко был прекрасным буниноведом, человеком честным, но запуганным. И все-таки очень хорошо, что в конце жизни он успел написать книгу «Дороги и звоны», которую мне подарил в 1994 году. Не могу не привести фрагмент из этой его правдивой книги: «*Мы росли в мире, в котором столько творилось зла, и чтобы не сбиться с дороги наших отцов и дедов, заповедавших нам истины добра и справедливости, надо было устоять перед напором тех, кто, к несчастью для нашего поколения, нес в мир безбожие и примитив мышления материалистов, насаждал в обществе презрение к нормам добра и стремился уничтожить весь уклад жизни народа и его святыни*» (с. 18). Незадолго до чествования Бунина [1973 г.] Макашин ездил в Париж... Ездить в Париж ему — а до него Никулину — было так же просто, как в Москве в Союз писателей. Отношение к Бунину у Макашина состояло в том, что он в качестве члена редколлегии «Литературного наследия» наблюдал за изданием бунинского тома (том 84); всю редакционную работу выполнял А. Н. Ду-

бовиков. Макашин никогда ничего не писал о Бунине. Если же говорить совсем точно, то было у него одно сочинение: так называемая «внутренняя рецензия», — то есть не для публикации — на мою статью «Гимназические годы И. А. Бунина», написанную для «Известий отделения языка и литературы Академии Наук СССР». Статья — сообщение о найденных в Орловском областном архиве документах (ф. 534), открывших некоторые важные факты из биографии юного поэта; из этих документов выяснилось, когда он поступил в Елецкую гимназию, когда оставил учебу; в журнале успеваемости указаны отметки; есть сведения и о том, где Бунин жил в Ельце, — готовый комментарий к «Жизни Арсеньева»! Макашин статью «зарезал»: правоверный марксист-ленинист написал, что я ничего не говорю «об отношении Бунина к революционным демократам». А Бунину было, когда отец привез его в Елец в 1881 году сдавать вступительный экзамен, неполных одиннадцать лет!. Большой вред причинило русской культуре его хвалебное, абсолютно беспринципное предисловие к книге некоего В. В. Лаврова «Холодная осень» [1], за которую автора этой «Осени» казнить мало ввиду ее беспардонной лживости» [2, 170–171]. Я ценю и первую книгу А. К. Бабореко — «И. А. Бунин. Материалы для биографии» [3]; к сожалению, второе издание, дополненное [4], как ни странно, хуже по определенным причинам.

Принято считать, что о покойниках надо говорить хорошо или не говорить ничего, а вот Вольтер сказал, что о покойниках надо говорить правду.

О. Н. Михайлов долгие годы заведовал сектором литературы Русского зарубежья в ИМЛИ. В октябре 1986 г., уже во время перестройки, я его принимал у себя в Париже. Я понимаю, что советским литературоведам было очень непросто, приходилось приспособливаться, взвешивать каждое слово. Знаете, бросать камни легко, а собирать их намного труднее. Повторяю, дело чести исследователей — разобраться сегодня в том, что писали тогдашние литературоведы, что они преподносили читателю из произведений И. А. Бунина и с какими комментариями. Ведь они иногда даже переделывали произведения писателя, якобы для того, чтобы способствовать новой публикации. Скажу, что все эти ухищрения для меня абсолютно неприемлемы.

Не могу, в связи с этим, не процитировать две дарственные надписи О. Михайлова: «*Может быть, дорогой Ренэ, эта первая более или менее честная статья о Бунине — без экивоков и недомолвок. 4.03.1993 Париж*» [5]; «*Дорогому Ренэ Герра эту книгу, которая писалась до нашей революции, несет на себе следы застоя, но лежала в цензуре год и вышла только в Туле, — сердечно твой Олег Михайлов*» [6] и то, что он писал в 1997 году в своей статье о Бунине: «*Книга «Воспоминания» по резкости оценок не только в художественном, но и в политическом плане напоминала Бунина 1920-х («Окаянные дни», «Записная книжка»,*

«Инония и Китеж»). Написанная с исключительной силой и блеском, эта книга включает, наряду со светлыми страницами (портреты Л. Н. Толстого, Чехова, Рахманинова, Эртеля, Джером Джерома), очерки-памфлеты, исполненные язвительности и сарказма. До недавнего времени главы эти либо вообще не публиковались у нас («Горький», «Маяковский», «Гегель, фрак, метель»), либо публиковались в усеченном, искажающем общий смысл виде («Третий Толстой», «Волошин», «Автобиографические заметки»)» [7, 90].

В год 150-летия со дня рождения И. А. Бунина прошло время окончательно подвести черту под различными о нем публикациями и без всяких околичностей обозначить его место в русской литературе и даже шире — в русской цивилизации. И. А. Бунин — один из тех редких писателей XX века, который дважды победоносно возвращался своим творчеством и книгами на родину.

Первое возвращение было во время хрущевской «оттепели». Я уже в 1968 году обратил внимание на то, что книги И. А. Бунина в московских букинистических магазинах почти не попадались. Безусловно, тогда существовал к нему огромный, неподдельный интерес. Потом, с разными приключениями, наконец, издали в 1973 году бунинский двухтомник в серии «Литературное наследство» [8], не включив в него статьи Б. К. Зайцева и Г. В. Адамовича. И это при том, что к ним официально обращался сам С. А. Макашин, член редколлегии «Литературного наследства», с просьбой написать воспоминания об Иване Алексеевиче. Они написали, но их тексты не были напечатаны, естественно, по идеологическим причинам. Это было бестактно и очень некрасиво, так как Адамович и Зайцев согласились писать бесплатно, я знаю, как они честно трудились, учитывая академический характер издания. К счастью, Г. В. Адамович успел при жизни напечатать свой текст в «Новом журнале» [9].

Второе триумфальное возвращение И. А. Бунина произошло в конце восьмидесятых годов. «Окаянные дни» [10] вышли в 1990 году не одним, а пятью изданиями — общим тиражом почти миллион экземпляров. Были напечатаны ранее запрещенные рассказы И. А. Бунина — «Под серпом и молотом», «Товарищ Дозорный», «Красный генерал» и его «Воспоминания». Вокруг его книг возник не просто интерес, точнее — ажиотаж: они выходили миллионными тиражами, что, как мне кажется, редкий случай в русской и вообще в мировой литературе. Это свидетельство того, насколько писатель был нужен России, какое воздействие на общественное сознание россиян оказывал его авторитет, я бы еще добавил — его взыскующая совесть. Книги И. А. Бунина, особенно «Окаянные дни», к сожалению, актуальны и по сей день. Я бы посоветовал каждому россиянину читать и перечитывать «Окаянные дни» и повторять как заклинание — «чур меня!».

Эта страшная книга наводит на разные мысли, не всегда веселые, особенно, что касается характера русского народа, мужицкой психологии и хитрости. Бунин нам показывает, что русский народ совсем не такой уж богоносец. Когда он выступал 16 февраля 1924 года в Париже с речью «Миссия русской эмиграции», он понимал, может быть, подсознательно, а потом чем дальше, тем с большей уверенностью, что уехал навсегда. Вот выдержки из этой исторической речи: *«Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину. Миссия же наша связана с причинами, в силу которых мы покинули ее... Наша цель — твердо сказать: подымите голову! Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас... Если бы даже наш исход из России был только инстинктивным протестом против душегубства и разрушительства, воцарившегося там, то и тогда нужно было сказать: "Взгляни, мир, на этот великий исход и осмысли его значение. Вот перед тобой миллион из числа лучших русских душ, свидетельствующих, что далеко не вся Россия приеет власть, низость и злодеяния ее захватчиков"... Что произошло? Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека... Миссия русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только за страх, но и за совесть не приемлет Ленинских градов, Ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия... Россия! Кто смеет учить меня любви к ней?...»* [11].

Человек умный и прозорливый, Бунин понимал, что наступившее лихолетье — надолго, потому что знал лучше, чем многие другие писатели, русский народ. Именно в Ельце, Бутырках, Озерках, Васильевском он получил этот заряд. Бунин подчеркивал и гордился тем, что знает русский народ изнутри, и это не было позой. Между тем кое-что от барчука в нем оставалось.

В связи с тем, что социально-политическая обстановка в России изменилась, а в характере экономической системы производства и распределения произошли коренные перемены, основанные на частной собственности, учитывая сегодняшнюю памятную дату, хочу сказать следующее. В России не очень любят говорить о том, что было тридцать лет назад. Понятно, что мало кому приятно вспоминать прежние прегрешения. Люди словно стесняются каких-то моментов своей биографии. Думаю, что в СССР в литературной сфере, особенно в критике и литературоведении, существовала круговая порука, потому что у многих «рыльце в пушку». И все-таки причина такой «забывчивости» более глубокая. Склад ума, мышления — вот что труднее всего изменить. Замечательно, что сейчас, и об этом нельзя забывать, каждый, кто хочет, может свободно читать Бунина. А когда я привозил в СССР экземпляры «Окаянных

дней», то в какой-то степени рисковал, а те, кому дарил эту книгу, рисковали еще больше: у них могли быть серьезные неприятности.

Впервые, лет шестьдесят назад, я увидел книги И. А. Бунина у моей учительницы русского языка Екатерины Леонидовны Таубер — на юге Франции, в Мужене, между Каннами и Грассом, недалеко от Наполеоновской дороги, по которой Иван Алексеевич часто ездил в Канны на автобусе. У нее был застекленный книжный шкаф, и в нем-то я впервые увидел книги И. А. Бунина (и Г. Н. Кузнецовой — тоже). Екатерина Леонидовна говорила, что это книги замечательного писателя и поэта — я это подчеркиваю, потому что часто забывают, что Бунин еще и удивительный поэт, читала мне его стихи. А сама она была акмеистка, ее кумирами были Блок и Ахматова. И что было знаменательно, так это то, что все это происходило «под сенью оливы» — так Е. Таубер озаглавила свою вторую книгу стихов [12]¹. И я тогда воспринимал все живо, мне это было так же близко, как и человеку, который живет в России в бунинских местах, читает «Жизнь Арсеньева» и ранние рассказы, связанные с этими местами. Со мной происходило то же самое: я вырос, как это ни парадоксально звучит, в бунинских местах. Юг Франции, который Бунин описывает, мне до боли знаком: это — мой край родной. Здесь соединились судьбы Бунина, Зайцева, Зурова, Кузнецовой, Таубер, других писателей-эмигрантов их круга (и моя собственная молодость — тоже).

В Грассе с лета 1923 года Бунин снимал сначала квартиру на вилле Мон-Флери, потом виллу «Бельведер», а во время войны — виллу «Жаннет». У Бунина бывали Шмелев, Зайцев, Алданов, Мережковский, Гиппиус, Ходасевич, Берберова, Степун, Рахманинов и многие другие. Мне кажется, Бунин был своеобразным магнитом, многие с ним хотели встречаться, общаться. Лазурный берег притягивал к себе представителей русской культуры с давних пор. Эта традиция пошла от Гоголя, Тютчева, Чехова. А Чехов — один из кумиров и Бунина, и Зайцева: они в конце жизни написали о нем книги [13].

Моя учительница Е. Таубер была автором пяти сборников стихов и при этом оставалась очень скромным человеком. Она встречалась с Буниным уже после войны в Жуан-ле-Пен, в русском пансионе Ле Фурнэль. Бунин в своем дневнике дал высокую оценку ее творчеству. Не случайно стихи Екатерины Леонидовны душевно близки, родственны стихам Галины Кузнецовой, музы И. А. Бунина. Вот красноречивая дарственная надпись на книге «Грасский дневник»: *«Родственной душе — милой Екатерине Леонидовне сердечно — Галина Кузнецова. Август 1972. Мюнхен»* [14].

¹ Экземпляр с дарственной надписью: «Галине Николаевне Кузнецовой, автору "Оливкового сада" с дружеским приветом от автора».

Уже после смерти Бунина Вера Николаевна писала Е. Л. Таубер, что высылает книгу Ивана Алексеевича «Митина любовь», вышедшую в нью-йоркском издательстве имени Чехова, но, к сожалению, ей придется надписывать экземпляр вместо него. Именно в этом контексте и состоялась «моя встреча» с великим писателем-эмигрантом. Хочу отметить, что она произошла тогда, когда мало кто из западных славистов интересовался Буниным: не только в советской России, но и на Западе, ему мешал ярлык белогвардейца. Я об этом уже не раз говорил и писал. Он был во главе «Белой библиотеки», «не принял и не понял Великую Октябрьскую революцию», он «не остался со своим народом», ушел в эмиграцию. Убежден, что отсутствие интереса к Бунину со стороны французских славистов имело под собой ту же самую основу.

Как ни странно, даже Нобелевская премия, присужденная Бунину в 1933 году, не изменила существовавшее положение. Она не очень ему помогла, хотя он был первым из русских писателей, удостоенным Нобелевской премии по литературе. Тем не менее, благодаря ей во Франции Бунин стали переводить. Но это длилось недолго: как ни странно, у него книг на французском языке было не так уж много, даже гораздо меньше, чем у другого писателя-эмигранта А. Ремизова. Тогда самое престижное издательство «Галлимар» выпустило несколько переводных книг, но каких? «Деревня» [15], «Господин из Сан-Франциско» [16] — сами понимаете, с каким уклоном эти произведения: якобы критика царской России. Ни «Солнечного удара», ни рассказов из сборника «Темные аллеи!» И это была общая участь писателей первой волны послеоктябрьской эмиграции: их почти не переводили. Например, у Бориса Зайцева за 50 лет жизни в эмиграции вышли на французском языке всего лишь две книги: «Анна» и «Золотой узор» [17].

Письма И. А. Бунина своему литературному агенту М. А. Гофману открывают малоизвестные страницы биографии писателя, связанные с изданием его книг на французском, английском и немецком языках. В данном случае нас интересует только все то, что относится к французскому изданию его «Воспоминаний» [18], которые вышли 14 декабря 1950 года в Париже в издательстве Кальман-Леви (Calmann-Lévy). Из писем мы узнаем, что «Воспоминания» предлагались также издательствам «Галлимар», «Плон», но контракт был подписан все-таки с Кальман-Леви. По этим письмам видно, что еще до появления русского издания [19] был заключен договор с французским издателем. Французский вариант книги вызвал нарекания Бунина: «*Вообще издательство С-Л по наглости беспримерное: какое, например, имели они право по-своему устанавливать порядок моих статей? Почему книга начинается с "Чехова"?*» [20, 22]. Из «Воспоминаний» Нобелевского лауреата были исключены несколько глав («Его Высочество», «Се-

меновы и Бунины», «Эртель», «Маяковский», «Гегель, фрак, метель») ... А в другом письме Гофману читаем: «*Я хотел Вам сказать, что в английском и американском изданиях расположение статей, составляющих книгу моих «Воспоминаний», должно быть такое, как в русском издании, а не то безобразие, которое позволил себе сделать С. Lévy*» [21, 22].

Можно также задать себе вопрос: почему «Окаянные дни» появились во французском переводе [22] только в конце восьмидесятых годов, после их публикации в Москве [23]? Потому что эта книга, как ни странно, была на Западе неактуальна, неприятна и как бы «несозвучна эпохе», ибо почти все французские издательства были с определенным левым уклоном. Так что для «Окаянных дней» не нашлось ни издательства, ни переводчика: почти все французские переводчики, работавшие, например, на «Галлимар», были коммунистами или их попутчиками, — разве они могли позволить себе переводить такую книгу? И только благодаря перестройке в СССР «Окаянные дни» вышли наконец-то во Франции. Ради справедливости надо отметить, что за последние годы появились новые книги Бунина на французском языке, но они вышли в свет только потому, что в постсоветской России его стали печатать большими тиражами. То же самое относится и к книгам Бориса Зайцева, Алексея Ремизова и Гайто Газданова. Первый однотомник И. Шмелева [24], которого французские слависты считали реакционером, чуть ли не фашистом, вышел в Москве тиражом в один миллион экземпляров.

Интересно, что уже в наше время французские слависты-коммунисты стали без всякого зазрения совести писать предисловия и послесловия к произведениям Бунина и других писателей-эмигрантов. Когда эти люди взялись за написание статей о тех, кого они упорно замалчивали, им было уже под семьдесят лет. Вопрос к этим авторам (говорю не для полемики, а исключительно ради того, чтобы понять логику их действий): почему они раньше, до распада Советского Союза, не писали о Бунине и других писателях-эмигрантах? За пять лет дружбы и сотрудничества с Б. К. Зайцевым я ни одного французского слависта у него не встречал. Где они были? Они занимались своей карьерой, понимая, что общение с теми или другими из последних представителей литературы зарубежной России может им навредить. Теперь же те самые, которые часто ездили в командировку в СССР, но никогда не писали и не говорили о том, что во Франции в изгнании жили Бунин, Шмелев, Зайцев, Ремизов, Георгий Иванов, Одетцев, Адамович, Ходасевич, Берберова, Анненков и другие, вдруг стали активно интересоваться писателями-эмигрантами.

Очередной юбилей дает возможность напомнить, что И. А. Бунин был первым из первых писателей зарубежной России. Присуждение Нобелевской

премии было воспринято в эмигрантской среде как признание не только его личных заслуг, но и всей русской литературы в изгнании, как победа всей эмиграции. Эта награда вызвала огромное воодушевление в русском рассеянии, простиравшемся тогда едва ли не по всем континентам — достаточно перелистать русскоязычную прессу 1933–1934 годов... Здесь не могу не процитировать то, что написал Марк Алданов в ноябре 1933 года: «Торжество знаменитого русского писателя есть торжество всей эмигрантской литературы. Так мы всё это и приняли. Так это приняли и старшие из нас, имена которых не раз назывались в связи с Нобелевской премией. Это делает им большую честь» [25, 3]. Бесспорно, все товарищи по перу, как любил говорить Б. К. Зайцев, это осознавали. И первым из первых Бунин был не только потому, что получил Нобелевскую премию, но потому, что собственной жизнью доказал свою непримиримость к коммунистической диктатуре, и потому еще, что свои литературные шедевры создал в эмиграции. Важно знать и не забывать, что долгое время в России не полагалось писать, что И. Бунин, Д. Мережковский, Б. Зайцев, А. Ремизов, И. Шмелев, К. Бальмонт, Г. Иванов, В. Ходасевич создали свои лучшие книги в изгнании. Это противоречило тезису, будто бы нельзя творить, будучи оторванным от родной почвы, и долгие годы в советской России по этому поводу высказывались определенно. Чтобы не быть голословным, не могу не процитировать то, что писал доктор филологических наук Ю. А. Андреев в своей вступительной статье к «Избранному» А. М. Ремизова: «Отрыв от отечества сказан сугубо отрицательно на всех без исключения писателях-эмигрантах. Для Алексея Ремизова отрыв от России был чреват творческим бесплодием» [26, 32]. Комментарии излишни! Теперь, наконец, в постсоветской России все соглашались, что лучшее у И. А. Бунина — «Митина любовь», «Солнечный удар», «Жизнь Арсеньева», «Лица», «Освобождение Толстого», «Темные аллеи», «Воспоминания», а ведь все это написано во Франции. Бунин, как и другие писатели-эмигранты, доказал, насколько они были сильны — и не только духом. Писать по-русски, как он писал, в отрыве от родины, действительно живя в другом мире, в другой языковой стихии, писать все лучше и лучше, несмотря на возраст, на трудные материальные, психологические и моральные условия — поистине настоящий подвиг. И каждый из писателей-эмигрантов, в меру своих сил, его совершил.

Из близкого круга друзей Бунина я волею судеб знал и даже дружил со многими, среди них: Б. К. Зайцев, Г. В. Адамович, В. В. Вейдле, Г. Н. Кузнецова, Л. Ф. Зуров, А. В. Бахрах, С. М. Лифарь, Я. М. Седых, В. А. Могилевский, Ю. К. Терапиано, И. В. Одоевцева, З. А. Шаховская, Е. Л. Таубер, С. Ю. Прегель, Т. Д. Логинава-Муравьева, Н. Н. Оболенский, А. Е. Величковский...

Сколько интересного и любопытного они мне рассказывали о И. А. Бунине! Конечно, все они хранили благодарную память о нем, прекрасно понимая, что им выпала редкая удача и великое счастье входить в окружение последнего русского классика.

Но, говоря об этих взаимоотношениях, нельзя забывать, что воспоминания того или другого из современников создавались пятнадцать или двадцать лет спустя после кончины Бунина, когда время сделало свое дело и страсти, конфликты уже улеглись. Прежде всего, хочется вспомнить рассказы Б. К. Зайцева, который в конце жизни часто вспоминал Ивана Алексеевича, переживал их разрыв, случившийся в январе 1948 года из-за исключения из эмигрантского Союза писателей тех, кто взял советский паспорт, поверив указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1946 г. о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи. Однако Зайцев не чувствовал за собой вины, полагая, что он и Бунин оба были виноваты и что поневоле были вовлечены в эту распрю из-за сталинского указа. Ему было тяжело об этом вспоминать. Борис Константинович говорил, что за месяц до смерти Ивана Алексеевича послал ему письмо, чтобы помириться. Бунин так и не ответил, потому что уже ответить не мог. Но Зайцев очень переживал, так как с большим уважением относился к Бунину. Он понимал первенствующее положение Бунина в русской зарубежной литературе: с этим никто не спорил, даже представители младшего поколения. Это было ясно, я думаю, даже для Мережковского, Гиппиус² [27], Ремизова, Шмелева, Набокова, Газданова, не говоря о Ходасевиче, Адамовиче, Шаршуне, Терапиано, Одоевцевой, Шаховской.

Борис Константинович любил вспоминать про близость Бунина к народу, несмотря на его барственность. За последние десять лет жизни он немало написал о Бунине, о своих встречах и взаимоотношениях. Гордился тем, что был с ним «на ты». Именно на литературном вечере в его квартире в Москве (в доме на углу Гранатного переулка и улицы Спиридоновка) 4 ноября 1906 года Иван Алексеевич после чтений познакомился с Верой Николаевной Муромцевой, верной и преданной спутницей всей

² Вот что писала Зинаида Гиппиус Вере Николаевне Буниной 9 ноября 1932 г. за год до присуждения И. А. Бунину Нобелевской премии по литературе: «Если же, как это вероятно, получит Ив. Ал., мы испытываем громадную за него и за вас радость, и даже без примеси чисто человеческой зависти... Но пусть Ив. Ал. в со-радости нашей не сомневается, уж помимо всего прочего — даже по разуму: собственно надежд Д. С. [Мережковский] все равно не имел, а какому русскому не радостно и не гордо, что его соотечественник оценен по достоинству?». Темира Пахмусс. Из архива Мережковских: письма З. Н. Гиппиус к И. А. Бунину.

его жизни [28, 170]. Вот что он писал в своей чуть ли не последней статье: *«Все же, в начале эмиграции в особенности, интерес к восточным пришельцам был у культурной и не крайне левой части французской литературы и интеллигенции. Наиболее ярко выступило это в присуждении Нобелевской премии русскому, Бунину, в 1933 году. Был и советский кандидат, Горький, с именем всемирным, чего у Бунина не было. Но Шведская Академия предпочла бесподданного эмигранта. В эмиграции русской это присуждение встречено было восторженно. Как бы "последние да будут первыми"»* [29, 4].

Борис Константинович как-то мне сказал: «Вам надо обязательно встретиться с Галиной Николаевной Кузнецовой». Он к ней относился с большим уважением, очень ценил, с высокой похвалой отзывался о ее книге «Грасский дневник». Б. К. Зайцев написал для меня рекомендательное письмо: *«Дорогая Галина, записку эту передаст Вам мой знакомый (хорошо знакомый) Ренэ Юлианович Герра, французского происхождения, будущий профессор Русской Литературы. Он интересуется Буниным, будет писать о нем — не откажите рассказать ему о Грассе, о жизни там и т.п. Он хороший француз, пишу наспех, будьте здоровы, целую ручку. Ваш Бор. Зайцев 24.VI.70»*. В июле 1970 года я специально поехал в Мюнхен, чтобы познакомиться с музой Ивана Бунина. В дневнике Веры Николаевны Буниной можно прочитать в записи от 13 октября 1929 года великодушные, благородные и мудрые слова: *«Я не имею права мешать Яну любить, кого он хочет, раз любовь его имеет источник в Боге. Пусть любит Галину... — только бы от этой любви было ему сладостно на душе»* [30, 210].

К тому же в Мюнхене мне хотелось встретиться с писателями Г. Газдановым и В. Варшавским. Там мне очень помогла писательница Ирина Евгеньевна Сабурова, у которой я остановился в пригороде Мюнхена. Галина Николаевна меня очень любезно, даже трогательно приняла. Ей было явно приятно, во-первых, потому, что я был от Бориса Константиновича, а это была хорошая, солидная рекомендация, а во-вторых, что я француз: ведь она все-таки переводила «Волчицу» Франсуа Мориака [31], которая вышла с предисловием Бунина. Она, безусловно, любила Францию и особенно Грас и Лазурный берег, потому что ее лучшие годы были связаны, несмотря ни на что, с этими незабываемыми местами. Несколько часов подряд мы беседовали за чашкой чая. И естественно, все было вокруг Бунина, но она сама меня тоже интересовала как представительница младшего поколения писателей-эмигрантов. О чем она еще говорила? О том, как они с Маргаритой Августовной Степун, переехав в Нью-Йорк, с 1949 года помогали Бунину. Говорила не потому, что хотела похвастаться этим, нет, просто желала показать, что не было полного разрыва с Буниным, что

они оставались друзьями³ [32], и она ему помогала в издательских и финансовых делах. Они с Маргой были связующими звеньями с издательством имени Чехова в Нью-Йорке, когда готовились к печати книги Бунина «Жизнь Арсеньева», «Весной, в Иудее», «Митина любовь», «Солнечный удар» и др., а также во взаимоотношениях Бунина с австрийскими и немецкими издательствами. И естественно, при всех наших беседах присутствовала от начала до конца Маргарита Августовна, которая меня также очень тепло и дружелюбно приняла. Если бы она наложила на встречу вето или ввела ее в официальное русло, не возникли бы между нами доверительные отношения и не было бы той искренности, с которой общались со мной Галина Николаевна и Маргарита Августовна.

Трогательны надписи Веры Николаевны на своей книге «Жизнь Бунина. 1870–1906» Галине Николаевне: *«Настоящее чудо: книга вышла ко дню его рождения! В ней много тяжелого, много страданий, печали, но все же эти годы прекрасны — среди нашей прелестной поэтической природы, в наших городах, в общении со своим народом, в творческом напряжении, словом, дома! Дорогой Гале дружески и сердечно. Автор. Париж 23.10.1958»* и Маргарите Августовне: *«Дорогой Марге, мою "мозаичную" книгу на строгий суд. Дружески и душевно Вера Бунина. Париж 23.10.1958»* [28]. В архиве Галины Николаевны на одной из книг [33] сохранилась надпись Ивана Алексеевича уже после их разрыва, и там видно, что он хочет, чтобы она сохранила о нем добрую память⁴.

Многие писатели посылали Бунину свои книги в надежде, что он напишет отзыв или рецензию. Например, Нина Берберова мечтала, чтобы Иван Алексеевич высказался хотя бы в письме о ее новой книге, о чем свидетельствует ее дарственная надпись: *«Дорогой Иван Алексеевич, пожалуйста, исполните мою просьбу: прочтите эту книгу и скажите мне что-нибудь о ней. Н. Берберова, Longchêne 27.VI.1938»* [34]. А вот надпись В. Ходасевича на книге о Пушкине [35], подаренной Бунину, весьма лаконична: *«Дорогому Ивану Алексеевичу Бунину от автора. 1937, апр.»*. Зато весьма красноречиво то, что он писал Галине Кузнецовой: *«Поклонитесь Ивану Алексеевичу. Он меня знать не хочет, а я его хочу знать очень, п. ч. "Арсеньев" чудесно хорош, до чертиков. Ваш В. Ходасевич. 16.06.1933»*⁵ и пять месяцев спустя — в своей

³ Дарственная надпись Галины Кузнецовой И. А. Бунину на своей книге стихов «Оливковый сад»: «До смертной сени будем помнить мы / Страны великолепной, как Эллада, / Пологие и синие холмы... С благодарной любовью и памятью моему дорогому. Ноябрь 1937 г. Париж».

⁴ Инскрипт автора: «Из книг Г. Н. Кузнецовой. Ив. Бунин 29.IX.50. Париж».

⁵ Настоящая книга В. Ф. Ходасевича отпечатана в ознаменование столетия кончины А. С. Пушкина в феврале

статье о Бунине: «Члены Нобелевского комитета присудили лавры гонимому страннику, почти беззащитному и почти бесправному...» [36].

Я близко знал блестящего литературного и художественного критика Владимира Васильевича Вейдле, преданного почитателя и соратника поэта В. Ходасевича, о котором написал первую монографию [37]⁶. Не могу не процитировать дарственную надпись Ходасевича на своей книге о Пушкине: «Дорогому Владимиру Васильевичу от любящего его В. Х. 1937, 28 марта». Я являюсь душеприказчиком и наследником В. В. Вейдле. В моем архиве хранится часть писем Бунина к нему, другие находятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета. И по этим письмам видно, что Бунин очень ценил мнение Вейдле и каждый раз просил его написать рецензию на свои новые книги: это о многом говорит. Совершенно справедливо Г. П. Струве писал: «Из многого, что было сказано зарубежной критикой о Бунине, всего ближе к сути дела то, что писал о нем В. В. Вейдле...» [38, 2]. Я знал и Георгия Викторовича Адамовича, с которым не раз встречался и в Париже, и в Ницце. Я не случайно назвал Вейдле и Адамовича. Оба они любезно согласились раз в месяц приходиться ко мне, чтобы я записывал на магнитофон их воспоминания о литературной жизни русского Парижа — о журналах «Современные записки», «Числа», о блистательном русском Монпарнасе, «Зеленой лампе», «Воскресеньях» у Мережковских и, конечно, о Бунине. Приходили они, зная, что мне это приятно, что их рассказы я сохраняю.

В заключение хочу сказать: у первой волны эмиграции своя история — сопротивление, отступление, бегство, хождение по мукам, встреча с чужбиной, осмысление прошлого и осознание миссии: *быть не в изгнании — а в послании*. Феномен первой русской эмиграции уникален, так как ей нет аналогов в мировой истории; лучшее оправдание этой волны — ее культурное наследие. Нельзя забывать: все то, что создали в трудных материальных и психологических условиях русские эмигранты — поэты, писатели, философы, богословы, художники, композиторы... — в Советском Союзе семьдесят лет находилось под запретом. Об их подвиге было принято либо умалчивать, либо его хулить, либо чернить. Все

1937 г. в типографии Шпеер и Шмидт в Берлине в количестве пятисот экземпляров, из которых 50 экземпляров с подписью автора в продажу не поступают. Экземпляр № 40.

⁶ Отпечатано 100 нумерованных экз. В моем книжном собрании хранятся: экз. № 10 с дарственной надписью: «Милому Рене Юлиановичу Герра старенькую эту книжечку надписывает старый его друг — автор. 5.IV.75»; экз. № 43: «Дорогому Рене Юлиановичу Герра от преданного ему автора. 5.II.77»; экз. № 69: «Рене Юлиановичу Герра с дружеским чувством от автора. В. В. Париж, 8.IV.79».

советские энциклопедии были наполнены чувством отторжения, ненависти к белоэмигрантам, а сама эта тема, по причинам, не требующим объяснений, была десятилетиями наглухо закрыта. Книги писателей-эмигрантов находились в СССР под семью замками в спецхранах. Сколько было разоблачителей и хулителей Русского Рассеяния, которое по праву можно назвать Зарубежной Россией, ибо оно сумело сбросить и приумножить достояние дореволюционной культуры. Униженные, изгнанные из большевистской России, объявленные ее врагами, белые эмигранты сохранили до конца любовь к Родине и веру в ее возрождение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лавров Валентин. Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920–1953) / Валентин Лавров. — М.: Молодая гвардия, 1989. — 383 с.
2. Бабореко А. К. Дороги и звоны / А. К. Бабореко. — М.: Московский рабочий, 1993. — 211 с.
3. Бабореко А. К. И. А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917) / А. К. Бабореко. — М.: Художественная литература, 1967. — 303 с.
4. Бабореко А. К. . И. А. Бунин. Материалы для биографии с 1870 по 1917. Издание второе / А. К. Бабореко. — М.: Художественная литература, 1983. — 351 с.
5. Михайлов Олег. Иван Бунин. Окаянные дни / Олег Михайлов. — М.: Молодая гвардия, 1991. — 335 с.
6. Михайлов Олег. И. А. Бунин. Жизнь и творчество / Олег Михайлов. — Тула: Приокское книжное издательство, 1987. — 319 с.
7. Михайлов Олег. Бунин Иван Алексеевич / Олег Михайлов // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918–1940. Писатели Русского Зарубежья. — РОС-СПЭН, 1997. — 511 с.,
8. Литературное наследство. Том восемьдесят четвертый в двух книгах. Иван Бунин. Книга первая. М.: Наука, 1973. — 696 с. / Книга вторая. 551 с.
9. Адамович Г. Бунин. Воспоминания / Г. Адамович // Новый Журнал № 105, Нью-Йорк, декабрь 1971. — С. 115–137.
10. Бунин И. А. Окаянные дни. М.: Советский писатель, 1990. — 175 с., тираж 400 000 экз.; Бунин И. Окаянные дни. Под серпом и молотом / Сост. Р. Тименчик. — Рига: Изд. ЦК КП Латвии, 1990, 237 с., тираж 100 000 экз.; Бунин Иван. Окаянные дни. Вступ. ст. А. К. Бабореко. М.: Советский писатель, 1990. — 414 с., тираж 100 000 экз.; Бунин И. Лишь слову жизнь дана... Сост., вступ. ст., примеч. и имен. указ О. Н. Михайлова. — М.: Советская Россия, 1990. — 368 с., тираж 50 000 экз.; Бунин Иван. Окаянные дни. Сост. предисл. О. Михайлова. — М.: Молодая гвардия, 1991. — 335 с., тираж 200 000 экз.; Бунин И. А. Окаянные дни. Предисл. О. Михайлова, примеч. С. Крыжицкого. Тула: Приокское книжное издательство, 1992. — 319 с., тираж 75 000 экз.
11. Бунин И. А. Миссия русской эмиграции / И. А. Бунин // Окаянные дни. Вступ. ст. А. К. Бабореко. — М.: Советский писатель, 1990.

12. Таубер Е. Под сенью оливы / Е. Таубер.— Париж, 1948. Экземпляр с дарственной надписью: «Галине Николаевне Кузнецовой, автору "Оливкового сада" с дружеским приветом от автора».
13. Зайцев Борис. Чехов. Литературная биография / Борис Зайцев.— Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954–260 с. / И. А. Бунин. О Чехове. Незаконченная рукопись. Предисловие М. А. Алданова.— Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1955.— 412 с.
14. Кузнецова Галина. Грасский дневник / Галина Кузнецова.— Вашингтон: Изд. В. Камкин, 1967.— 315 с.
15. Ivan Bounine Prix Nobel 1933. Le Village. 10e édition nrf. Gallimard, Paris, — 1934.— 292 с.
16. Ivan Bounine Prix Nobel 1933. Le monsieur de San Francisco. 10e édition nrf. Gallimard, Paris, 1934.— 342 с.
17. Boris Zaitzev. Anna. Ed. Saint-Michel, Paris, 1931.— 279 с. (Les Maîtres étrangers) / Boris Zaitsev. La guirlande dorée. Hachette, Paris, 1933.— 286 с. (Collection Les meilleurs romans étrangers).
18. Ivan Bounine. Prix Nobel. Mémoires. Traduit du russe par Hélène Bayan. Calmann-Lévy, éditeurs.— Paris, 1950.— 178 с.
19. Бунин И. А. Воспоминания / И. А. Бунин.— Париж: Книгоиздательство Возрождение — La Renaissance, 1950.— 272 с.
20. Бунинские материалы из архива М. А. Гофмана. Письмо декабрь 1950 или январь 1951. Филологические записки. Вып. 20.— Воронеж, 2003. С. 22.
21. Бунинские материалы из архива М. А. Гофмана. Письмо от 25 января 1951. Филологические записки. Вып. 20.— Воронеж, 2003.— С. 22.
22. Inan Bounine. Jours maudits. L'Age d'Homme.— Lausanne, 1988.— 179 с.
23. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 томах / И. А. Бунин.— Т. 6. / Окаянные дни. Фрагменты.— М.: Художественная литература, 1988.
24. Шмелев И. С. Избранное / И. С. Шмелев.— М.: Изд. Правда, 1989.
25. Алданов М. А. Выбор Шведской Академии. И. А. Бунин / М. А. Алданов // Иллюстрированная Россия № 48 (446).— Париж.— 25 ноября 1933.— С. 3.
26. Ремизов А. М. Избранное / Ремизов А. М.— Сост., подготовка текста, вступит. статья и коммент. Ю. А. Андреева.— М.: Художественная литература, 1978. (510 с.).— С. 32.
27. Cahiers du Monde russe et soviétique. Vol. XXII (4), Paris, octobre-décembre.— 1981.
28. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина 1870–1906 / В. Н. Муромцева-Бунина.— Париж, 1958.— 171 с.
29. Зайцев Борис. Изгнание. Русская литература в эмиграции / Борис Зайцев // Сборник статей под ред. Н. П. Полторацкого.— Питтсбург, 1972.— 409 с.
30. Устами Буниных. Дневники. Том II. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981.— С. 210.
31. Мориак Франсуа. Волчица (Genitrix) / Франсуа Мориак / Перевод Г. Н. Кузнецовой с предисловием Ив. А. Бунина. Париж: Русские записки, 1938–117 с.
32. Кузнецова Г. Оливковый сад / Г. Кузнецова.— Париж: Современные записки, 1937.— 80 с.
33. Бунин И. А. Воспоминания / И. А. Бунин.— Париж: Возрождение, 1950.— 272 с.
34. Берберова Н. Без заката. Роман / Н. Берберова.— Париж: Дом книги, 1938,— 162 с.
35. Ходасевич В. Ф. О Пушкине / В. Ф. Ходасевич.— Берлин: Петрополис, 1937.— 193 с.
36. Ходасевич Вл. О Бунине / Вл. Ходасевич.— Париж: Возрождение, 16 ноября 1933.
37. Вейдле В. Поэзия Ходасевича / В. Вейдле.— Париж, 1928.— 64 с.
38. Струве Глеб. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы / Глеб Струве.— Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1956.— 408 с.

Парижский университет

Герра Ренэ, доктор филологических наук, литературовед, президент-основатель Общества по сохранению русского культурного наследия во Франции

E-mail: rene.guerra0422@orange.fr

University of Paris

Guerra Rene, Doctor of Philology from the, literary critic, founding president of the Society for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France.

E-mail: rene.guerra0422@orange.fr